

МОСКВА
2024

Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

В. А. Жуковский

о смерти Андрея Александровича не кончились несчастья, какие навлек он на Россию: примеру его последовали другие князья, и с тех пор клевета их друг на друга в Орде причиняла беспрестанно новые беды. Но самым усердным подражателем Андрея был племянник его Георгий Даниилович, князь московский. Как Андрей спорил о престоле великокняжеском со старшим братом своим Димитрием, так и Георгий не хотел уступить этого престола законному наследнику Андрея — дяде своему Михаилу Ярославичу, князю тверскому и сыну Ярослава III. Они должны были для решения спора ехать в Золотую Орду, где уже царствовал хан Тохта, победитель сильного Ногая, найденного убитым на поле сражения. Тохта, к досаде Георгия, приказал быть великим князем Михаилу. Несколько лет княжил он спокойно и жил по большей части в Твери, которая с того времени сделалась одним из главных городов русских.

Между тем Георгий не терял надежды быть со временем великим князем и для того часто ездил в Орду, угождал старым ханам, дружил с молодыми. Привыкнув видеть,

с каким удовольствием он всегда приезжал к ним, привыкнув слышать, как он хвалил их нравы, обычаи, даже кушанья и кумыс, татары полюбили Георгия. Молодые татарки скучали на тех пирах, где не было миловидного князя русского, чьё приветливое обращение и всегда весёлые разговоры так не походили на угрюмые лица и повелительные речи их отцов и братьев. Но более всех любовалась им прекрасная Кончака, дочь хана Тохты и любимая сестра молодого Узбека — наследника престола татарского. Георгий заметил это и стал стараться заслужить её благосклонность — не потому, что он любил её, а потому, что надеялся через неё достичь престола великокняжеского, тем более что в это самое время Тохта умер и ханом Золотой Орды сделался сын его Узбек, брат Кончаки. Счастье милой сестры было для молодого царя татарского дороже всего на свете. Видя, что ей нравится Георгий, и думая, что и он любит её, Узбек согласился, чтобы сестра его приняла христианскую веру и вышла за князя. Кончаку назвали в крещении Агафией.

Сделавшись зятем хана и получив от него войско под начальством воеводы Кавгадыя, Георгий Даниилович отправился в отечество, прямо в Тверь, чтобы выгнать оттуда великого князя. Михаил, видя страшную силу татар и боясь подвергнуть народ свой новым несчастьям, послал сказать князю московскому, что он уступает ему великокняжеский престол и просит оставить ему только наследственную Тверскую область. Георгий вместо ответа начал разорять все города и селения этой области. Тогда Михаил принуждён был послушаться совета епископа и бояр и идти с полками навстречу Георгию. Бог помог ему победить врагов и тем спасти от совершенного разорения своё Тверское княжество.

Молодая супруга Георгия, брат его Борис Даниилович, воевода татарский Кавгадый попали в плен к Михаилу, но он всем им возвратил свободу, и, когда Георгий не тронулся и этим великодушием и приготавлился опять к сражению, Михаил, желая спасти своих подданных от нового кровопролития, предложил ему ехать с ним в Орду, на суд хана.

К несчастью, прекрасная Кончака-Агафия, не успев возвратиться к супругу, умерла скоропостижно в Твери, и Георгий выдумал, что она была отравлена. Такой выдумки довольно было, чтобы обвинить Михаила в глазах Узбека, нежно любившего сестру свою. Несчастный князь с чистою совестью отправился в Орду вслед за уехавшими туда Георгием и Кавгадыем. Может быть, имея предчувствие о том, что его ожидало там, он написал завещание, назначил сыновьям уделы и с чрезвычайной горестью простился с ними и с супругой. Узбек, от природы добрый и справедливый, принял Михаила довольно милостиво и, верно, не решился бы казнить его, боясь осудить невинного, если бы не злой Георгий и друг его Кавгадый, которые каждый день так много наговаривали на Михаила, что наконец Узбек приказал вельможам своим судить его с Георгием. Главным судьей был назначен Кавгадый. Разумеется, несчастный Михаил был обвинён. Приставы в ту же минуту наложили ему на шею тяжёлую колодку, сняли с него драгоценную одежду и разделили её между собой.

Нельзя описать, сколько унижений, обид и мучений терпел кроткий Михаил с той минуты, как осудили его, до той, как Узбек решился наконец утвердить этот суд. Это продолжалось более месяца и случилось в то самое время, когда вся Орда отправлялась на охоту к берегам Терека.

Несколько сот тысяч людей собирались тогда для удовольствия хана. Каждый надевал лучший наряд и садился на лучшую лошадь, которыми и теперь ещё славятся татары. Купцы везли за продвигавшеюся Ордою множество товаров индийских и греческих — одним словом, месяц или два охоты у татар можно было назвать продолжительным великолепным праздником, где все были веселы и счастливы. И вслед за этими счастливыми, чьи радостные песни разносились по диким степям, вели несчастного князя русского! Не думайте, однако, что он шёл с лицом печальным. Нет, гораздо печальнее были добрые бояре, его окружавшие, и не они его, а он их часто утешал такими словами: «Друзья мои, вы долго видели меня в чести и славе. Неужели будем роптать на Бога за непродолжительное унижение? Шея моя скоро освободится от этих оков!»

Ожидание его в самом деле скоро исполнилось: бессостные судьи, друзья Георгия, упростили молодого Узбека утвердить приговор, и день казни был назначен. Михаил не испугался: уже давно он готов был явиться к Богу. В утро того дня он отслушал заутреню, благословил двенадцатилетнего сына своего Константина, бывшего с ним в Орде, поручил его и бояр своих покровительству доброй супруги Узбека царицы Баялыни, и, когда Георгий и Кавгадый подъехали к шатру князя и послали палачей умертвить его, он спокойно вышел к ним навстречу, без малейшего ропота перенёс всё, что заставили его вытерпеть мучители, и с молитвою в сердце и на языке закрыл навеки глаза, заслужив по справедливости название мученика и святого.

Тело его было отослано в Москву и погребено
в Спасском монастыре, в Кремле.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ I ТВЕРСКОЙ

Годы жизни 1271–1318
Годы правления 1305–1318

ДЕТИ

Димитрий
Александр
Константин
Василий

Анна
Кашинская

МИХАИЛ I ТВЕРСКОЙ

ОТЕЦ

Ярослав III Ярославич
(1263–1272)

ПРИМЕЧАНИЯ

Анна, дочь ростовского князя Дмитрия, была канонизирована в Русской православной церкви в лике благоверных князей.
Указаны годы правления на Владимирском престоле.

неописуемой горестью узнали в Твери о смерти Михаила супруга его, дети и народ. Не смея требовать отчёта в этой смерти у Георгия Данииловича, уже приехавшего во Владимир с грамотой Узбека на великокняжеский престол, печальное семейство думало только о том, как бы выручить из рук убийцы священный гроб умершего страдальца и освободить маленького Константина Михайловича, которого он привёз с собой из Орды как пленника. Для этого отправлен был к Георгию III второй сын Михаила — Александр.

Георгий, довольный успехом своим, не спорил о том, где будет лежать его жертва, — приказал вынуть из земли гроб Михаила, уже пять месяцев похороненный в Спасском монастыре, и отдать его сыну.

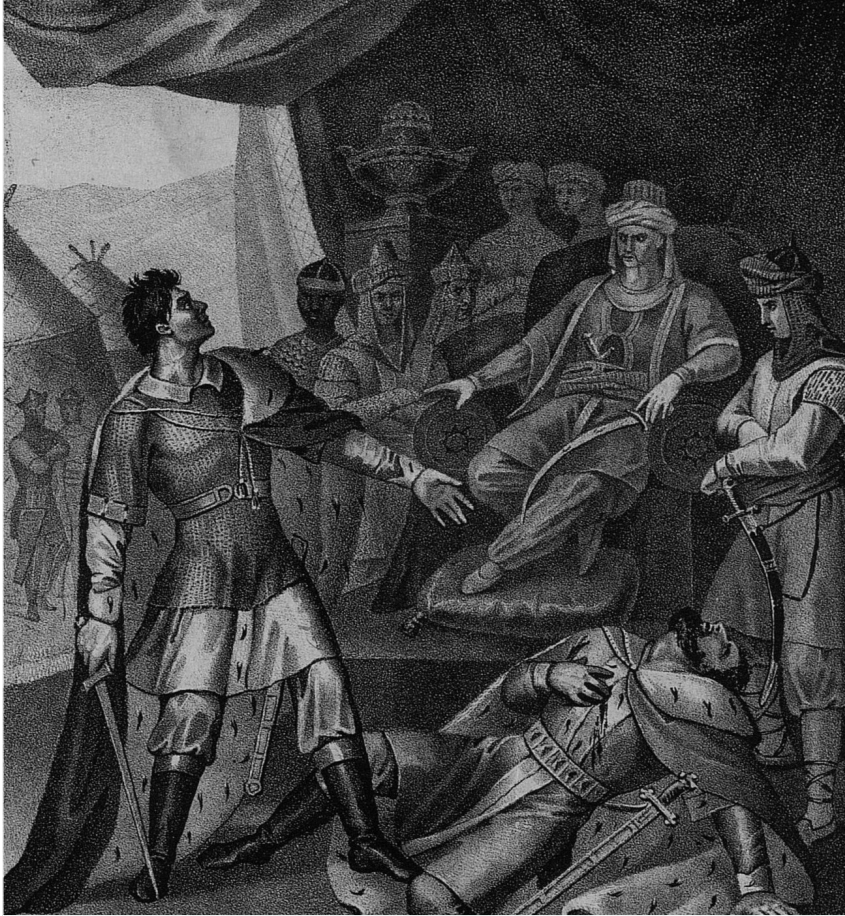
Княгиня Анна, вдова Михаила, и старший сын её Димитрий плыли в лодках по Волге навстречу останкам супруга и отца и уже вместе с ними подъехали к тверскому берегу, где приняли их духовенство и народ. Все громко рыдали, все стремились целовать гроб доброго государя. Сколь же велика была радость всех, когда, открыв его, увидели,

что тело не повреждено ни от продолжительного путешествия с берегов Каспийского моря, ни от пятимесячного лежания в могиле! Семейство святого мученика и народ упали на колени, благодаря Бога за это чудо, и с этой минуты перестали плакать о Михаиле: они увидели доказательство счастья, которым он уже наслаждался на небесах! Добрая, благочестивая княгиня Анна с этого дня простилась с миром и постриглась в монахини. Предки наши во все времена отличались своим усердием к вере, и государи их почти всегда оканчивали жизнь в монастырях. Тело святого Михаила и теперь покоится в тверском Преображенском соборе.

Между тем Константин Михайлович и бояре тверские, приехавшие с ним из Орды, всё ещё оставались в плену у Георгия, и он отпустил их только в 1321 году, когда Димитрий Михайлович дал ему 2 тысячи рублей и слово не искать Великого княжества.

Здесь надобно заметить, милые читатели мои, что при этом в истории нашей в первый раз говорится о рублях, которые вовсе не походили на теперешние целковые. Это были простые отрубки серебра безо всякого клейма, весил каждый от 22 до 24 золотников. По сравнению с нынешними монетами деньги наших предков были некрасивы, но всё-таки лучше, нежели прежние лоскутки кожи с клеймом, которые назывались кунами, оттого что делались из кожи куниц.

Итак, заплатив 2 тысячи таких рублей, Димитрий выручил из плена брата своего; что же касается обещания не искать Великого княжества, то он дал его неискренно, дал в ту самую минуту, когда в душе клялся отомстить убийце отца своего. Тотчас по приезде брата Константина в Тверь

Димитрий отправился в Орду и выпросил себе у Узбека владимирский престол.

Георгий Даниилович ходил в это время с новгородцами к берегам Невы и там, где она вытекает из Ладожского озера, на острове Ореховом построил крепость Ореховскую, или нынешний Шлиссельбург, для того чтобы шведы не могли входить в это озеро.

Получив известие, что Димитрий не исполнил своего обещания и уже везде объявлен великим князем, Георгий огорчился. Он боялся выехать из Новгорода, чтобы не потерять и этой области, но через некоторое время, одержав победы над шведами, литовцами и князьями устюжскими, заслужил благодарность новгородцев, принял клятву их в верности и отправился к Узбеку опять просить у него Великое княжество.

Вслед за ним приехал в Орду и Димитрий. Этот князь, молодой, пылкий, прозванный Грозные Очи, был представлен Узбеку в одно время со смертельным врагом своим. Отомстить этому врагу было первым желанием, всегдашней мыслью Димитрия в течение шести лет. Он никогда не знал Георгия лично — и вдруг видит его подле себя. Кровь молодого князя закипела, большие голубые глаза его сделались подлинно грозными очами, ему казалось, что он видит перед собой бледную тень отца, ему казалось, что он слышит жалобные стоны, которые вырывались у него перед смертью, — и горестный, несчастный сын не мог владеть собою, он бросился на Георгия и заколол его в одну минуту. Тело убитого привезли в Москву, где княжил брат его Иоанн Даниилович, и митрополит Пётр похоронил его в церкви Архангела Михаила.

Между тем в Твери все со страхом ожидали, чем накажет Узбек Дмитрия, осмелившегося на глазах его совершить убийство. Прошло несколько месяцев, а хан всё ещё молчал. Друзья великого князя уже начали надеяться, что Узбек не будет мстить за Георгия. Но вдруг 15 сентября 1326 года было дано повеление казнить несчастного Дмитрия, и в тот же день его убили в Орде. Ему было только 27 лет.

Вместе с известием о казни брата Александр Михайлович получил от хана грамоту на великокняжеский престол. Но недолго он владел им. Не прошло и года, как приехал в Тверь двоюродный брат Узбека Шевкал со множеством татар. В народе разнёсся слух, будто бы он приехал для того, чтобы обратить всех русских в магометанскую веру, убить князя Александра и других братьев его и раздать все города татарским вельможам. Вероятно, этот слух был несправедлив, но великий князь, боясь умереть так же, как умер отец его, и не имея великодушия Михаила, жертвовавшего собой для спокойствия подданных, встревожил этими слухами народ, который поверил ему и для спасения веры и государей своих решился на дело, чрезвычайно опасное и вовсе бесполезное в то время, — истребить всех татар, бывших в Твери, и исполнил это под начальством своего князя 15 августа 1327 года, в самый день Успения Богородицы: ни одного татарина не осталось в городе.

Гнев Узбека был ужасен. Он поклялся истребить всё Тверское княжество и поручил исполнить это Иоанну Даниловичу, князю московскому, обещая сделать его великим князем и прислать к нему на помощь 50 тысяч воинов. Как сказано, так и сделано. Тверь, Кашин, Торжок были

опустошены со всеми селениями, жители истреблены или уведены в неволю, Иоанн Данилович сделан великим князем, Александр Михайлович убежал во Псков, меньшие братья его — в Ладогу.

Так в течение девяти лет Россия лишилась четырёх государей, из которых трое были убиты в Орде, четвёртый переходил из одного города в другой, не находя нигде пристанища.

Это ужасное состояние северной части государства нашего было ещё счастьем по сравнению с бедствиями южной, которая в это время подпала под власть одного из наследников Миндовга, князя литовского Гедимина. Гедимин был необыкновенно умён и храбр, однако он совершил великое злодейство, умертвив государя своего Буйвида и присвоив престол его. Вскоре немцы, русские и поляки узнали его силу. Он завоевал Брест, Овруч, Житомир, наконец Киев и всю старинную область Кривскую, или нынешнюю Белоруссию. Хитрый Гедимин, понимая трудное искусство удерживать у себя завоевания, не изгонял природных князей покорённых им земель, уважал их обычаи, веру и позволял новым подданным своим зависеть в церковных делах от митрополита московского. Сам же он пользовался верховной властью и звался великим князем литовским и русским. Столицей его была Вильна, им же основанная.